

The background of the entire cover is a black and white photograph. It depicts a small, dark boat floating on a calm body of water. The water is very still, creating a clear reflection of the boat. In the distance, there are dark, jagged mountain peaks partially shrouded in a thick mist or fog. The overall mood is mysterious and atmospheric.

АЛЕКСЕЙ КРОТОВ

КОНСКИЙ
ВОЛОС

классический
российский
детектив

RED. Детективы и триллеры

Алексей Кротов

Конский волос

«ЭКСМО»

2022

Кротов А.

Конский волос / А. Кротов — «Эксмо», 2022 — (RED.
Детективы и триллеры)

ISBN 978-5-04-173360-5

Прошел год – и в Полянске новое происшествие. На реке погибает молодой приезжий Антон Петрович Дубков. Все убеждены, что это несчастный случай. Но бдительная Таисия Игнатьевна готова поставить всё на то, что это убийство. Дав делу ход, она вместе с другими героями неожиданно оказывается в водовороте событий. Комментарий Редакции: Новый роман в жанре "Классический российский детектив", в котором Алексей Кротов в очередной раз удивляет читателя поразительным в своей изобретательности способом совершения преступления.

ISBN 978-5-04-173360-5

© Кротов А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алексей Кротов

Конский волос

Глава 1

В поисках Амфитриона

– Амфитрион! – проорала Пелагея Егоровна Цепкина – Амфитрион!

Молчанье было ей ответом. Зятя Пелагеи Егоровны Амфитриона Ферапонтовича Редькина давно уж и след простыл. Стоило бдительной теще на несколько минут ослабить надзор, и результат не замедлил сказаться. Амфитрион исчез, словно его и вовсе не было.

Почтенная Коробочка – а прозвали так Цепкину за неодолимую страсть к скопидомству – была вне себя от ярости. Она рвала и метала, вращала налитыми кровью от гнева глазами, но все напрасно; в радиусе ее испепеляющего взгляда зятя не было. Амфитрион исчез в самый ответственный момент. Цепкина как раз собиралась поручить ему полоть клубнику. Она оставила Редькина одного всего на несколько минут (пошла проверить, сварились ли макароны), а когда вернулась, то Амфитриона уже ветром сдуло.

– И ведь он вроде бы согласился, – задыхаясь от бессильной ярости стала припоминать Коробочка, – покорность, подлец, изобразил, мол, вот он я, готов к услугам, что прикажете, Пелагея Егоровна. А потом, как бы случайно, вспомнил о макаронах. Ну я и клюнула. Пошла проверять!

Тут Цепкина сплюнула и присела на лавку, чтобы немного успокоиться и решить, что делать дальше. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, что Редькин ушел пить с Дудкиным. Дилемма, стоявшая перед Пелагеей Егоровной заключалась в следующем: идти на поиски зятя и всыпать ему немедленно, не обидев при этом Дудкина, или подождать его возвращения (когда-нибудь же, он все таки вернется!) и тогда уже разобраться с ним как следует. Пелагея Егоровна с удовлетворением подумала: хорошо, что Зоя в Ленинград укатила, некому будет за него, пропойцу, заступиться.

Пелагея Егоровна посидела еще с минуту и наконец, решительно поднялась.

– Нет уж, на этот раз я не стану дожидаться, пока он притащится обратно, – вслух произнесла она, – а найду его прямо сейчас и как следует намылю шею.

Цепкина вышла из калитки и стала озиаться по сторонам, надеясь найти свидетелей бегства Амфитриона. И свидетели нашлись. Точнее, свидетельница. Мария Николаевна Симагина, делая вид, что наблюдает за птицами, изобразив при этом на лице выражение отрешенности, с нетерпением поджидала Цепкину. Пелагея Егоровна заметила Симагину и не теряя времени направилась к ней.

– Добрый вечер, Мария Николаевна, – хмуро поздоровалась Коробочка.

– Добрый, Пелагея Егоровна, – мягко откликнулась Симагина и с едва уловимой иронией поинтересовалась. – Погулять вышли, Пелагея Егоровна, свежим воздухом подышать?

– Да какой тут воздух, – отмахнулась Цепкина, – Вы лучше скажите: Амфитрион тут не проходил?

Мария Николаевна только и ожидала этого вопроса.

– Амфитрион? – переспросила она. – Как же, пробежал минут пять назад. Мне показалось, что он куда-то очень торопится, – и она с ангельской улыбкой взглянула на собеседницу.

– Еще бы ему не спешить, – проворчала Цепкина. – А куда он пошел, вы не видели?

– А по тропинке, что ведет к реке.

– Спасибо, – поблагодарила Цепкина и направилась к указанной тропинке.

Но Симагина выдала еще не всю информацию.

– Тут, кстати, я музыканта Дудкина заметила, – сообщила она вслед уходящей Цепкиной.

– Дудкина? – быстро повернулась Цепкина. – А он куда пошел?

– Да по той же самой тропинке.

– Ясно, – кивнула Коробочка и устремилась в погоню.

Мария Николаевна довольно посмотрела ей в след, с чувством исполненного долга она вернулась домой. Миссия сплетницы была выполнена.

Тем временем Пелагея Егоровна быстро спускалась к Холодной. Ей не терпелось догнать сбежавшего от работы Амфитриона. Тропинка была извилистая, сильно поросшая травой, поэтому идти по ней было трудно, и Пелагея Егоровна часто спотыкалась. Спустившись к Холодной, она остановилась, размышляя, где затаились Амфитрион и Дудкин. Тряхнув головой, Цепкина двинулась по берегу Холодной в сторону реки Крутой. Пройдя метров двести, она явственно услышала плеск воды и голос музыканта Дудкина. Цепкина поняла: они собрались прокатиться на лодке. В порыве благородного негодования Коробочка тяжело побежала в сторону Крутой, надеясь остановить лодку. Пелагея Егоровна была уже почти у цели, как вдруг левая нога ее оступилась и Цепкина с грохотом свертенилась с небольшого обрыва.

– Ой-ой-ой, – пропищала она, – куда это меня угораздило?

– Вам помочь? – внезапно раздался над ней мужской голос.

Цепкина подняла глаза. Рядом стоял среднего роста мужчина лет 37–38, брюнет, с мягкими карими глазами.

– Вы наверное ушиблись, – продолжил он, видя, что Цепкина не отвечает, – хватайтесь за мою руку.

Коробочка послушно ухватилась и весь ее немалый вес был немедленно приведен в вертикальное состояние.

– Кажется руки-ноги целы, – проворчала Цепкина приходя в себя.

Молодой человек оглядел ее критическим взглядом.

– В таких местах лучше не бегать, – укоризненно заметил он, – а то неровен час...

– Кто вы? – резко перебила его Цепкина. – Я что-то раньше вас не видела.

– Меня зовут Антон Петрович Дубков, – представился брюнет. – Я гошу у Кречетовых, ну знаете, большой дом строят.

– А, великие строители, – кивнула Цепкина, – знаю. Когда они свой небоскреб-то закончат?

– Это уж вы их спросите, – улыбнулся Дубков. – Ну, а вас как зовут? – спросил он Цепкину.

– Вы, что ж, меня не знаете? – с подозрением уставилась на него Коробочка, – меня каждая собака в деревне знает.

– Не сомневаюсь, – поспешно заверил ее Дубков.

– Меня зовут Пелагея Егоровна Цепкина, – торжественно произнесла Цепкина.

– Очень приятно, будем знакомы, Пелагея Егоровна. Я человек любопытный, расскажите, зачем вы здесь бегали, может, спортом занимались?

– Какой к лешему спорт! – досадливо отмахнулась Цепкина, потирая ушибленный бок, – за Амфитрионом погналась и напрямик сюда.

– А кто это Амфитрион? – с интересом спросил Дубков.

– Зять мой.

– Зачем же вы за ним гнались?

– От работы убег, поганец.

– Что же он у вас, раб подневольный?

– Не вашего ума дело! – отрезала Цепкина. – Вы-то сами что здесь делаете?

– Выбираю место, где бы поставить крючки.

- А вы тут кого-нибудь видели? – продолжила допрос Цепкина.
- Да, двое мужиков лодку взяли. Порыбачить, небось, отправились.
- Какое там, – махнула рукой Цепкина. – Это они так выпить решили, думают, что я их там не достану.
- Выпить, – изумился Дубков, – да они ж пьяные перевернуться и утонут.
- Не утонут, – хмуро ответила Цепкина, и Дубкову показалось, что в ее голосе присутствует доля сожаления, – не впервой уже так кататься.
- Я вот сам на лодке плавать не терплю, – признался Дубков, – утонуть боюсь.
- Ваше дело, – пожала плечами Цепкина.
- Ну что будете делать теперь, надеюсь, домой доберетесь без приключений? – спросил Дубков.
- Постараюсь, – кивнула Цепкина, – но головомойки Амфитриону не миновать.
- Сочувствую вашему зятю. Кстати, что это за имя такое чудное, Амфитрион?
- Он сам чудной, и имя у него чудное, – проворчала Цепкина. – У него еще и отчество Ферапонтович. Родители, которые такие имена дают, с головой явно не дружат.
- Что-то вы больно много ворчите, – добродушно усмехнулся Дубков, – смотрите, давление подскочит.
- Я Амфитриону по шее дам, так оно и на место встанет.
- Ну, бог с вами, Пелагея Егоровна! – рассмеялся Дубков. – Желаю вам добраться домой целой и невредимой.
- Спасибо, – поблагодарила Цепкина и добавила, – хорошо, что вы поблизости оказались и мне помогли подняться.
- Да не за что! Всего доброго.
- Цепкина ушла бормоча, что то вроде «Ну, Амфитрион у меня дома получит и Дудкин, скотина, не отвертится». Дубков с восхищением посмотрел ей вслед.
- «Ну и кадр, – подумал он. – Не хотелось бы мне быть ее зятем. Ничего не скажешь, колоритная натура».
- Он отряхнул брюки и с сочувствием взглянул в сторону Крутой, где плавали на лодке две потенциальные жертвы.

Глава 2

Таисия Игнатьевна приходит в гости

Таисия Игнатьевна Сапфирова вышла из своего небольшого ухоженного дворика, аккуратно закрыла калитку и неторопливо направилась по деревенской дороге в сторону дома своей старой подруги Ольги Павловны Арсеньевой. Сапфирова была невысокой необычайно живой женщиной с пронизательными голубыми глазами, лет шестидесяти двух-шестидесяти трех. Однако выглядела она несколько старше своего возраста и поэтому селяне за глаза называли ее старушкой. Проходя мимо большого строящегося дома, точнее его каркаса, старушка задержалась, чтобы посмотреть, как движется работа. Строго говоря, Таисия Игнатьевна была не очень довольна этим строительством. Она привыкла, что в Полянске не было больших многоэтажных домов. Этот же, по слухам, должен был быть трехэтажным. «Да времена меняются, – подумала она с некоторым сожалением, – скоро здесь, бог знает, чего понастроят. То ли дело раньше», – вздохнула Сапфирова, вспомнив Полянск тридцатилетней давности.

Сапфирова не была сторонницей прогресса. Она не любила городской суеты и летом с удовольствием наслаждалась безмятежной деревенской идиллией. Однако, при мысли об идиллии, Таисия Игнатьевна нахмурилась. Год назад тихий спокойный Полянск потрясли три ужасных убийства. Таисия Игнатьевна никогда не сожалела, что именно она сыграла решающую роль в разоблачении преступника. Теперь же она от всего сердца желала, чтобы в Полянске не повторилось ничего подобного. С этими мыслями Сапфирова добралась до дома Арсеньевой.

Ольга Павловна приветственно помахала ей из окна рукой и встретила подругу на крыльце.

– А я уж и чай заварила, – радостно сообщила Ольга Павловна, жизнерадостная крашеная блондинка лет пятидесяти пяти-пятидесяти шести.

– С ромашкой? – улыбнулась Сапфирова.

– И со зверобоем, – расплылась в улыбке Арсеньева. – Да пойдем скорее, мы уж тебя заждались.

– Мы? – удивленно переспросила Сапфирова.

– Ну да, я и Борис, он вчера приехал из города.

И действительно в коридоре стоял Борис Юрьевич Арсеньев. Это был высокий сидящий мужчина лет шестидесяти с армейской выправкой.

– Что не ожидала Таисия Игнатьевна? – улыбнулся он, показывая ряд ровных белых зубов.

– Ну, как там в городе? – поинтересовалась Сапфирова, вытирая ноги.

– Да криминал наглеть стал, – пожаловался Арсеньев.

– Он всегда был наглый, – вмешалась его жена, – пойдемте скорей пить чай.

За чаем обсуждали погоду, уже поспевающую землянику, медицинские темы.

– У меня даже ревматизм успокоился, – довольно сообщила Сапфирова.

– Еще бы не успокоился, ведь такая жара, – прокомментировал Арсеньев.

– Не знаю, влияет ли это на ревматизм? – с сомнением проговорила Ольга Павловна.

Но Арсеньев уже не слушал. Он стал излагать свои планы на ближайшие дни. В них входила рыбалка, купание, солнечные ванны. Таисия Игнатьевна, сама вылезавшая на речку в исключительных случаях, молча позавидовала ему.

– Ну, а что нового в деревне? – спросил Арсеньев.

– Да вот дом большой строят, – ответила жена. – Да вот, кстати, и хозяин идет, – сказала она, указывая на проходящего по дороге лысеющего мужчину лет шестидесяти.

– Кто это? – спросил Арсеньев.

- Кречетов его фамилия. Павел Ильич Кречетов.
- Это он себе такой домина решил отгрохать?
- Ну, да.
- Не иначе, как деньги некуда девать, – покачал головой Арсеньев.
- Да, видать, богач, – согласилась Сапфирова.
- А все это перестройка, – продолжал ворчать Арсеньев. – Понаедут тут, понастроят!
- Не ворчи, – одернула его Ольга Павловна. – Что ж тут плохого, если люди с комфортом жить хотят?
- Да ничего плохого, конечно, – согласился Арсеньев.
- Да ты просто ему завидуешь! – воскликнула Ольга Павловна, пристально глядя на мужа. – Да, да завидуешь.
- Неправда! – бурно запротестовал Борис Юрьевич.
- Ладно, не ссорьтесь, – примирительно сказала Таисия Игнатьевна, с удовольствием поглощая печенье. – Чего разворчались?
- Ну, а как у Редькиных дела? – поинтересовался Арсеньев, уходя от скользкой темы. – Амфитрион все так же пьет?
- Вчера бит был, – сообщила Сапфирова, – я сама видела, как Пелагея Егоровна ему шею мылила.
- Да уж она спуску не даст, – кивнул Арсеньев. – Ну, а Дудкин что? По-прежнему играет?
- Мочи нет! – горячо сказала Ольга Павловна, – пару дней назад, черт, полчаса под окнами на трубе наяривал!
- Ну пусть только явится, я ему по шее надаю, – пообещал Арсеньев.
- Да уже не надо, – улыбнулась Сапфирова, – ему Цепкина за компанию пару оплеух отвесила.
- Это мало, – рассудил Арсеньев.
- А где внук-то ваш? – поинтересовалась Сапфирова, с удовольствием потягивая ароматный чай.
- Ленчик-то? С родителями на юге отдыхает, – проинформировала бабушка.
- Ждете?
- Не дождемся, – буркнул дед.
- Они посидели еще полчаса и поговорили о том, о сем. Наконец, Таисия Игнатьевна встала и начала прощаться.
- Приходи еще, Таисия, – пригласила Ольга Павловна.
- Нет, теперь уж вы ко мне, – сказала она хозяевам на пороге, – спасибо за чай, пойду прогуляюсь немного, – и она мелкими шажками засеменила в сторону реки.
- Супруги Арсеньевы невольно рассмеялись.
- Пройдя несколько метров, Сапфирова наткнулась на Пелагею Егоровну Цепкину, шедшую с реки с выполосканным бельем.
- Добрый день, Таисия Игнатьевна, – любезно поздоровалась Цепкина.
- Вот уже некоторое время, как Коробочка по неизвестной причине благоволила к Сапфировой.
- С реки? – задала риторический вопрос Таисия Игнатьевна.
- Угу. Полоскала. Умаялась. Ну ничего, скоро Зоя приедет, так я ее посылать буду.
- Как Амфитрион Ферапонтович? – с интересом спросила Сапфирова. – Вчера, кажется, взбучку получил?
- Сподобился, – довольная собой кивнула Цепкина. – Ему и Юрке поддала. Кстати, я тут одного приятеля великих строителей встретила.
- Кого же?
- Дубков некий. Представьте, меня не знал.

Сапфинова улыбнулась. Ее всегда забавляло самомнение Цепкиной.

– Ну и как он вам? – спросила она.

– Любезный. Ничего, бывают и хуже, – вынесла приговор Коробочка.

– Несомненно, – кивнула Сапфинова. – Ну ладно, я пойду.

– Приходите в гости, – пригласила ее Цепкина.

– Непременно, – пообещала Таисия Игнатьевна.

Она медленным шагом спустилась к реке, где присела на небольшую скамеечку, поставленную не так давно. Густая крона большого тополя давала ложбинке, где стояла скамейка, приятную тень, а разросшиеся кусты отгораживали ложбинку от береговой дороги.

Таисия Игнатьевна посидела минут двадцать, наслаждаясь свежим воздухом и уже собралась было встать, как вдруг услышала торопливые шаги. По дороге быстро шли два человека. Таисия Игнатьевна вовсе не желала их подслушивать, но невольно услышала обрывок фразы, принадлежавшей одному из проходивших мимо. Женский голос взволновано произнес:

– ... если он не прекратит, то я его убью!

Таисия Игнатьевна была шокирована, но не настолько, чтобы со всей возможной поспешностью не высунуться из своего укрытия и не посмотреть, кто прошел мимо. Она узнала прошедших. Это были муж и жена Морозовы, недавно купившие дом Анны Петровны Дочкиной. Сапфинова взглянула им вслед и задумчиво покачала головой.

Глава 3

Семья Кречетовых

Павел Ильич Кречетов, полный лысеющий мужчина лет шестидесяти, оторвался от газеты и возмущенно взглянул на дочь, перебиравшую крупу.

– Нет, это ни в какие ворота не лезет, Наташа! – воскликнул он, потрясая газетой. – Ты только послушай, до чего обнаглели эти реформаторы!

– И до чего же? – лениво спросила эффектная высокая блондинка лет тридцати двух-тридцати трех, не прерывая своего занятия.

– Взяли за жабры некогда крупную шишку в ЦК, – и Кречетов назвал известную фамилию.

– Значит было за что, – невозмутимо сказала Наталья.

– Лет десять назад эти дерьмократы и пикнуть не смели, – продолжал кипятиться Кречетов. – А сейчас в 90 м вон что вытворяют! С этой перестройкой совсем распустились.

– Времена меняются, – глубокомысленно изрекла дочь.

– Так глядишь и до нашего обкома доберутся, проверку какую-нибудь устроят, – продолжал бушевать Кречетов.

– А что, у вас есть за что зацепиться? – поинтересовалась Наталья Павловна.

Отец с подозрением глянул на нее.

– Конечно нет, – сухо ответил он. И добавил, – хорошо, что я на пенсию в этом году ухожу, меньше хлопот и нервов.

– Персонального, небось, получишь?

– Да, рассчитываю на республиканского значения.

– Эх, ты куда метишь! – восхитилась дочь.

– По Сеньке и шапка, – гордо вскинул голову Павел Ильич.

В этот момент в комнату ворвалась маленькая, но удивительно живая девчушка лет восьми и закричала:

– Ну что, тут есть мне поесть?

– Манюня, – расплылась в улыбке мать.

– Внученька, – изобразил на лице счастливую улыбку дед.

Восьмилетняя Машенька была настоящим домашним тираном. Ей было позволено всё. Любые ее капризы и желания исполнялись моментально и беспрекословно, все шалости заранее прощались. Манюня была избалована донельзя. Мать и дед души не чаяли в ней. Девочка же прекрасно всё понимала и пользовалась своим положением, переходя всякие границы. Любому взрослому Машенька говорила «ты», исключением являлась лишь школьная учительница, которую добрая девочка именovala дома не иначе как «каргой» или «Бабой Ягой». В транспорте Маша немедленно требовала уступить ей место, еще она любила мучить животных. Но наибольшее удовольствие ей доставляло изводить мать и деда. На ее воспитании явно сказывалось отсутствие отца. Отец, Георгий Матвеевич Савицкий, летчик-испытатель, погиб при исполнении задания, когда Машеньке был всего один год. Ее мать, Наталья Павловна Савицкая, вот уже два года, благодаря связям отца, была директором модного ателье. Сам же Павел Ильич Кречетов был важной шишкой в обкоме партии. Зарабатывали оба неплохо, и потому им не составляло труда выполнять все прихоти девочки.

Вот и сейчас маленькая тиранка требовательно глядела на мать и деда. Мать начала перечислять вечернее меню:

– Гречневая каша с парным молоком, домашняя котлетка, сыр, шпроты.

– А на сладкое? – пискляво прервала ее Манюня.

– Клубничка, Машенька, – поспешил сказать дед, съедая любимую внучку глазами.

Девочка похоже была удовлетворена, но ей уж очень хотелось покапризничать. Ее глазки-буравчики забегали по комнате, ища к чему бы придраться.

В этот момент отворилась дверь и вошли двое брюнетов среднего роста, примерно одинакового возраста. Одного звали Антон Петрович Дубков, а другого Александр Иванович Сорокин.

Дубков был двоюродным братом Савицкой. Нельзя сказать, чтобы брат и сестра любили друг друга до безумия, но между ними существовало взаимопонимание. Дубков был ведущим инженером с окладом в 430 рублей плюс частые премии.

Александр Иванович Сорокин был профессиональным биатлонистом. Он обожал спорт: прекрасно плавал, стрелял по мишени, играл в волейбол, был великолепным рыболовом. Сорокин был лучшим другом Дубкова. Именно так всегда его называл Антон Петрович.

– Я думаю, вы не будете против, если Саша поживет у нас? – сказал он пару недель назад, когда семья приехала в Полянск.

Естественно никто не был против. Кречетов и его дочь уже давно знали Сорокина и прекрасно к нему относились. Александр Иванович обладал огромным личным обаянием, он просто привораживал людей. Общаться с ним было одно удовольствие. Лучезарная обаятельная улыбка не сходила с его молодого лица, невольно сообщая окружающим хорошее настроение. Даже сама Манюня переставала капризничать в его присутствии. Уже одно это говорило само за себя.

– Ну что, архаровцы, небось, аппетит нагуляли? – весело спросил их Кречетов.

– Нагуляли, – садясь, подтвердил Дубков.

Павел Ильич не замедлил прочитать им так возмутившую его газетную заметку.

– Ну, что вы об этом думаете? – спросил он с надеждой глядя на друзей.

– Возмутительно, – с неприкрытой иронией сказал Дубков.

– И все бы тебе шутить, – посетовал Кречетов. – Ну ты-то хоть, Санек, со мной согласен? Сорокин взглянул на хозяина и мягко проговорил:

– Вопрос тонкий, Пал Ильич, политический.

– Ну вот, – окончательно расстроился Кречетов, – и этот уклонистом заделался!

В этот момент Манюня, решившая, что о ней забыли, громко попросила есть.

Савицкая поспешно заверила свое солнышко, что все будет готово через пять минут.

– Иди пока побегай, – ласково сказала она дочке.

– Точно, поиграй, – поддержал Савицкую Сорокин, ласково улыбаясь Машеньке.

Но несмотря на их призывы, девочка предпочла остаться.

Дубков, между тем, удобно устроился в кресле и стал просматривать газету. Через несколько минут он сложил ее и произнес:

– Ничего интересного. То ли дело здесь.

– А что здесь, Тончик? – с интересом спросил друга Сорокин.

– Ну, – вскинул руки Дубков, – я тут такой экземпляр повстречал. Расскажу – не пове-рите!

И Антон Петрович в красках пересказал свою встречу с Цепкиной.

– Очень странная тетя, – прокомментировала Манюня, едва он закончил, – и дядя тоже.

– Манюня права, – сказала мать, глядя девочку по головке.

– Надеюсь, что мне с ней не придется общаться, – хмуро проговорил Кречетов.

– Не забивайте себе голову, Пал Ильич, – успокоительным тоном посоветовал ему Сорокин. – Лучше скажите, когда дом-то построят?

– А леший их знает... – начал было Павел Ильич, но дочь прервала его.

– Не выражайся при детях, – строго сделала она замечание.

– А я знаю, кто такой леший, – радостно крикнула Манюня, подбегая к деду. – Это такой старик, он с Бабой Ягой и Водяным в лесу живет.

– Какая умная девочка! – восхитился дед.

– Между прочим, дедуля, он на тебя похож, – сообщила Манюня, пристально разглядывая деда.

– И наблюдательная, – добавил дед, не слишком обрадованно.

– Ну к августу-то будет готово? – продолжал расспрос Сорокин.

– Говорю ж тебе, не знаю, как справятся.

– Поторопить их надо, а то сколько можно дом снимать?

– Это верно, – поддержала его Савицкая, – не зря же им, в самом деле, деньги платят.

Но Кречетову, похоже не хотелось говорить на эту тему.

– Какие у вас на завтра планы? – быстро спросил он Дубкова и Сорокина.

– А в лес пойду, – сказал Дубков.

– А что там в лесу делать то? – удивился Сорокин. – Комаров кормить?

– Позавчера приехал, а в лесу еще не был, – сказал Дубков.

– В конце июня в лесу делать нечего, – глубокомысленно изрекла двоюродная сестра. –

Впрочем, дело твое, Антон, иди.

– Ну а ты, Санек, куда собираешься? – спросил Кречетов Сорокина.

– Только на речку, – ответил тот, – загорать и купаться. А вы, Пал Ильич?

– Да, порыбачу чуток, если дел не набежит.

– Отдыхать надо, отдыхать, – убедительно произнес Сорокин, подкрепляя свои слова задорной улыбкой.

В этот момент Манюня снова потребовала есть и на этот раз ее уже не попросили пойти погулять, так как все было уже готово.

Глава 4

Строители

Дом для Кречетова строили четыре человека: Петр Петрович Бобриков, Михаил Лазаревич Михайлов, Василий Кузьмич Никитин и Федор Максимович Деникин. Все четверо жили в поселке городского типа Утёсово, который находился в 10 километрах от Полянска.

Петру Петровичу Бобрикову было сорок пять лет. Роста он был невысокого, почти совсем лысый, не в меру упитанный. Бобриков отличался дружелюбным и веселым характером, любил пошутить.

– Эй, Деникин, а где ты Юденича потерял? – любил поддразнивать он приятеля.

Деникин неизменно мрачно отвечал, что никакого Юденича он не терял и даже в глаза его не видел.

Уже по одной этой фразе становилось ясно, что Бобриков имел некоторые познания в истории, он даже слышал фамилию Колчак!

Петр Петрович страдал болезнью, довольно распространенной среди рабочих. Он прекрасно умел изображать видимость деятельности. С важным видом расхаживал он взад вперед, давая указания сомнительной ценности. Лишь когда Кречетов пригрозил его уволить, Бобриков кряхтя начал что-то делать.

Михаил Лазаревич Михайлов был трудягой, его даже прозвали рабочей пчелкой. Михаил Лазаревич находил в труде удовольствие. Он работал много и самозабвенно. Это был творец. Он всегда питал страсть к причудливым архитектурным формам и уговаривал Кречетова выстроить треугольный дом. Кречетов отказывался, потому что не мог представить себе такого чуда.

– Вы наверное в детстве хотели архитектором быть? – предположил он.

– Как это вы догадались! – обрадовался Михаил. – Да я и сейчас хочу. Люблю, знаете ли, поэкспериментировать.

– Это хорошо, но только экспериментируйте на чьем-нибудь другом доме, – поспешно сказал Кречетов.

– Ну как хотите... – расстроился Михаил Лазаревич. – Если что, вы скажите, уж я развернусь!

– Нет, нет, большое спасибо, – испугался Павел Ильич. – Когда вы планируете закончить дом?

– Думаю, до конца сентября успеем, – простодушно ответил Михаил.

– До конца сентября! – ахнул Кречетов. – А раньше не получится?

– Дом-то трехэтажный, – рассудительно заметил Михаил, сдвинув кепку на затылок, – а мы ведь, почитай, вдвоем работаем. Петя-то, только указывать мастер.

– Да уж, поет ваш Петя сладко и звонко, – согласился Кречетов. – Зачем же вы его берете в помощники?

– Да мы уж давно дружим, Павел Ильич, без Пети было бы скучно.

– Ну ладно трудитесь, орлы, бог вам в помощь! – сказал Кречетов и ушел.

Михаил Лазаревич проводил его долгим сочувствующим взглядом.

«Эх, деревня, – подумал он, – красоты не понимает. А еще из города приехал. Я б ему тут такого понастроил, все бы ахнули», – он тряхнул головой и ушел работать.

Василий Кузьмич Никитин был не дурак выпить. Именно его сразу выделил из всех зоркий взгляд музыканта Дудкина. Уже на третий день, когда рабочие ушли на перекур, Юрий Петрович заговорщически отвел Никитина в сторонку и предложил распить пол-литра.

– «Столичная», – с видом знатока рассматривая бутылку одобрительно констатировал Никитин.

– Мы тут самогон не пьем, – похвастался Дудкин, – у нас все качественное, как в ресторане каком-нибудь.

– Ишь куда хватил, – поморщился Никитин. – В ресторане всё в рюмках чин чинном подают, да еще на закусочку тебе всякой снеди отвалят.

– Так и у нас есть чем поживиться, – бодро сказал Дудкин, вытаскивая картошечку, лучок, соленый огурчик.

– Надо же, а я думал в пустую водку хлестать будем, – присвистнул довольный строитель.

– Обижаешь браток! – выпятил грудь Дудкин. – Разве можно перед гостем ударить в грязь лицом?

Оба устроившись поудобнее, уже собрались было выпить и закусить всласть, когда над ухом Дудкина раздался до боли знакомый музыканту голос:

– Ну что, ребята, может раскинем на троих?

Амфитрион Ферапонтович Редькин появился, как всегда, вовремя. У него был нюх на выпивку. Выглядел, однако, Редькин не лучшим образом. Его шея была багрово-красного цвета, а под глазом переливался всеми цветами радуги здоровенный фингал.

– Пелагеина работа? – поинтересовался Дудкин.

– Чего спрашиваешь? – хмуро ответил Редькин. – При тебе ж, окаянная, украсила.

Дудкин, которому досталась от Цепкиной всего пара затрецин, не мог до конца понять чувства Амфитриона к Пелагее, – дружески обнял собутыльника за плечи, познакомил собутыльника с Никитиным, изображая радушного хозяина, предложил выпить и закусить. Редькин не отказался, от таких вещей он никогда не отказывался.

Троица посидела минут десять, поела и выпила сама, не забыв при этом и покормить комаров.

Наконец, Никитин взглянул на часы и поднялся.

– Ладно, посидели и хватит, – сказал он. – Меня работа ждет.

– Работа не волк, в лес не убежит, – глубокомысленно изрек Дудкин.

– Нет, пора идти, – твердо сказал Василий Кузьмич.

Несмотря на свою любовь выпить и перекурить, Никитин всегда знал, когда нужно остановиться.

– Ну, давайте на посошок, – поднялся Амфитрион, поднимая стакан.

Дудкин поднес свой стакан к губам и вдруг глаза его уставились в одну точку.

– Пелагея идет, – хрипло выдавил он.

Редькин проследил за взглядом Дудкина и стопроцентно опознал грозную тещу. Сомнений не было, Пелагея Егоровна направлялась к ним.

– Бежим! – закричал Дудкин, опомнившись.

На ходу он схватил картофелину и попытался ее проглотить, при этом глаза его выскочили из орбит, но все напрасно, овощ оказался слишком велик и половина вываливалась из рта горе-музыканта. Он лязгнул зубами, чуть не подавился и скрылся за поворотом дороги.

Амфитрион Ферапонтович Редькин и Василий Кузьмич Никитин ретировались, надо отдать им должное, более достойно.

Пелагея Егоровна приблизилась к месту попойки как полководец-победитель к стану врагов.

– Смылись, – констатировала она, пиная ногой бутылку. – Ну ничего, у меня руки длинные, не уйдут.

«Интересно, – подумала она, уже возвратившись восвояси, – кто это еще с ними пил?»

Федор Максимович Деникин был глуп и ворчлив. Брякнет, бывало, какую-нибудь ерунду и сидит, нахмуясь. Потом поворчит и снова брякнет. Работать Деникин умел, тут не подко-

паешься, он был очень пунктуальным и дотошным, лишнего не переделает, но и раньше срока работу не бросит. Все четверо приезжали утром на автобусе из Утесово и возвращались вечером. И так каждый день, кроме воскресенья. В автобусе Деникин всегда садился к окну и ворчал, ворчал, ворчал. На него оглядывались, но не шикали. Люди привыкают ко всему, привыкли и к нему. Он стал частью интерьера, и уже нельзя было представить без него местный автобус. Впрочем, Деникин был добрый малый, любил собак и кошек. К нему очень привязалась соседская шавка Дружок и хмурый строитель отвечал собаке тем же. Разговаривать о работе он не любил, поэтому Кречетов всегда его сторонился. Вот и в этот жаркий июньский день хозяин поговорил поочередно со всеми тремя рабочими, исключая Деникина, на что тот был явно не в обиде. Кречетов еще раз попросил строителей поторопиться и даже хотел понаблюдать с часик за ходом работ, но подошедший Александр Иванович Сорокин уговорил его пойти на речку.

– Пошли искупнемся, Пал Ильич, жара-то какая, – бодро сказал Сорокин.

– Айда, – согласился Кречетов.

Поживя пару недель в деревне, он, сам того не замечая, приобщился к простонародному языку. И оба шли, солнцем палимые, провести жаркий денек, наслаждаясь прохладой реки.

Глава 5

Кира Борисовна Авдеева, комсомолка, спортсменка и красавица

Двадцатипятилетняя корреспондентка газеты «Лужский листок» Кира Борисовна Авдеева приехала в Полянск утренним автобусом. Девушку встретил Петр Афанасьевич Терентьев мужчина лет 57–58, уже давно живший в Полянске. Родители Авдеевой были близкими друзьями Терентьевых, и Кира в бытность школьницей и студенткой часто гостила у Терентьевых в Полянске.

– Ну, вот и моя стрекозушка прилетела, – радостно обнял он журналистку. – Давай свои причиндалы.

Причиндалами оказались две объемистые сумки.

– Как только ты их до автобуса дотащила? – изумился Терентьев, сгибаясь под тяжестью багажа.

– А вот как, – бодро воскликнула Авдеева, и взяла одну сумку.

– Ты штанги поднимать не пробовала? – поинтересовался дядюшка.

– Не-а.

Дома их встретила жена Терентьева Ксения Денисовна.

– С приездом, Кирочка, – поцеловала она Авдееву.

Чтобы представить себе Киру Борисовну Авдееву, двадцатипятилетнюю подающую надежды журналистку, корреспондентку газеты «Лужский листок», достаточно вспомнить комсомолку, спортсменку и красавицу из фильма «Кавказская пленница».

Когда Кирочка Авдеева училась в школе, она всегда принимала активное участие сначала в пионерских, а потом и в комсомольских делах. Была председателем совета отряда, с удовольствием ездила в колхоз, будучи студенткой. Парни просто не давали ей прохода. Однако, Кира Борисовна пока еще не вышла замуж.

– Еще успеется, – всегда отшучивалась она в ответ на очередное предложение.

Авдеева была влюблена в жизнь, она любила жизнь во всех ее проявлениях, умела наслаждаться каждой минутой бытия.

Вот и сейчас слегка подкрепившись с дороги, молодая журналистка не теряя времени, отправилась на речку.

– А дорогу-то ты хоть знаешь? – с сомнением спросил хозяин.

– Ничего найду, – весело ответила беззаботная гостья.

– Стрекоза, – констатировал Петр Афанасьевич Терентьев, провожая взглядом упорхающую племянницу.

Дорогу на речку Кира нашла быстро. В деревне и на пляже ее заметили сразу. Музыкант Дудкин даже перестал играть на трубе.

– Эк ведь, какая цыпочка залетела, – пролепетал он, провожая девушку восхищенным взглядом.

На речке, несмотря на будний день, было полно народу.

Люди купались, загорали, ловили рыбу, перекидывались в картишки.

Павел Ильич Кречетов ловил рыбу на спиннинг. Он трудился битый час, однако, в его большом пластмассовом ведре сиротливо плескалось всего два маленьких окушка. Стоявший неподалеку Дубков развлекался, наблюдая за этой битвой человека с рыбой.

Киру Борисовну заметили все. Даже меланхоличный Чесноков оторвался от шахматной партии с Савицким. Авдеева, однако, не обращая ни на кого особого внимания, улеглась загорать.

Александр Иванович Сорокин сразу заметил молодую симпатичную девушку. На обратном пути он догнал ее и заговорил:

– Что-то я раньше вас здесь не видел, милая девушка, – лучезарно улыбаясь обратился он к Авдеевой.

– Да и я вас тоже раньше не встречала, милый Ромео, – тут же ответила Кира.

Она оценивающе взглянула на красивого брюнета средних лет, он ей явно понравился. Наверное, не последнюю роль сыграла знаменитая сорокинская улыбка.

– Я из Луги, – после минутной паузы сказала просто красавица.

Сорокин тоже назвал свое имя.

– Вот и познакомились, – заключил он.

– Я вижу, вы мастер знакомиться, – улыбнулась Авдеева.

– Особенно с молодыми красивыми девушками, – рассмеялся Сорокин.

– Я просто таю от ваших комплиментов.

– Приятно это слышать. Расскажите о своей работе.

Авдеева рассказала ему несколько забавных анекдотов из своей короткой журналистской практики. Оба смеялись. Наконец они подошли к дому Терентьевых и Сорокин стал с сожалением прощаться с девушкой.

– Приходите в гости, – пригласил он, снова пуская в ход свою притягательную улыбку.

– Увидимся, – бросила девушка, скрываясь в доме.

Александр Иванович Сорокин тряхнул головой. Он был очень доволен своим отдыхом в Полянске. Он стоял и смотрел на дверь дома, за которой скрылась девушка, в голове его роилось множество мыслей.

В тот жаркий июньский четверг помимо обычных газет почтальон Иванов принес одну телеграмму. Она была адресована Павлу Ильичу Кречетову. Он громко ее озвучил в присутствии всех обитателей дома. Телеграмма состоявшая всего из четырех слов гласила: «Будем в пятницу. Сазоновы».

– Все-таки собрались, – обрадовался Пал Ильич.

– И несет же их сюда нелегкая, – проворчала Наталья Павловна Савицкая.

– Ну скажи, за что ты их так не любишь? – устало-безнадежно спросил отец.

– Не их, а только Дарью Валентиновну. Не понимаю, папа, как ты их выносишь.

– Это выше твоего понимания, – холодно сказал Кречетов.

– Ну, а вы? – обратился он к Дубкову и Сорокину. – Надеюсь, не против?

– Мне все равно, – отчеканил Дубков, но было видно, что он не очень доволен перспективой приезда гостей.

– Вы здесь хозяин, Пал Ильич, – развел руками Сорокин, – ваше слово – закон.

– Ну вот и договорились, – кивнул Кречетов. – А теперь я пойду посмотрю как работают строители.

Не тут-то было, Манюня была начеку.

– Куда это ты собрался дед? – капризно спросила она. – А в кафе в Утесово кто со мной ехать обещал?

Павел Ильич нехотя подчинился судьбе. Через десять минут «Волга» с урчанием отъехала от дома.

Александр Иванович Сорокин проводил машину добродушной улыбкой. Дубков же стоявший рядом смотрел неодобрительно. Он не был сторонником, тех кто призывал потакал детским шалостям.

Глава 6

Дорогие гости

К строительству трехэтажного дома в Полянске отнеслись противоречиво. Кто-то говорил, что это будет гордость и украшение деревни, другие возражали, что мы и так хорошо живем, без всяких выкрутас. Третьи молчали, втайне завидуя.

Среди этих третьих лиц была ведущая сплетница деревни Мария Николаевна Симагина. Мария Николаевна, хотя и жила со своим мужем в прочном, добротном доме, была не против занять трехэтажный.

Мария Николаевна никогда не болтала много, во-первых это не нравилось ее мужу, Михаилу Антоновичу Симанину, во-вторых это не соответствовало ее имиджу, она считала, что это ниже ее достоинства. В крайнем случае Мария Николаевна с важным видом сообщала какой-нибудь интересный факт, предоставляя другим нанизывать на него всевозможные сплетни. Пальма первенства в таких делах бесспорно принадлежала Елене Поликарповне Образцовой, неоспоримо и по праву, занимавшей пост главной местной сплетницы. Образцову все звали запросто- Ленкой. Это была высокая угловатая женщина неопределенного возраста, с вечно нерасчесанными волосами, снующая туда-сюда по деревне, держа нос по ветру, чтобы не дай бог не пропустить мало-мальски интересный слухок.

Не сплеховала она и на сей раз. Лишь только начались работы по строительству дома, она тут же распознала, кто хозяин будущего особняка и доложила об этом всей деревне.

– Ну и пусть себе строят, их дело, – пожал плечами флегматичный Чесноков, мало интересующийся местными делами.

Пелагея Егоровна Цепкина, грозная теща и мать, отреагировала иначе.

– Посмотрим, как вести себя будут, – хмуро заявила она, молниеносно отпуская подзатыльник пытавшемуся прошмыгнуть к буфету с заветной водкой зятю. – Если приличные люди, то, нехай, пусть живут, а если пьяницы, вроде моего, то пусть убираются, пока целы.

Тут она замолчала, оттощила за шиворот никак не успокаивавшегося Амфитриона, заперла буфет и положила ключ в карман.

Музыкант Дудкин был очень заинтересован новым проектом.

– Может, с музыкальным дарованием люди окажутся, – с надеждой в голосе поделился он со своим собутыльником Амфитрионом Ферапонтовичем Редькиным. – А то ведь, сам знаешь, меня в деревне не понимают, а может быть, я неразгаданный талант.

– Все может быть, – добродушно, но с ноткой сомнения, ответил Редькин.

Жившая на хуторе старуха Шельма явилась в деревню вскоре после начала строительства и предсказала всевозможные несчастья, которые постигнут этот дом и его хозяев. Старуху боялись и верили ее словам.

Строители, начавшие работу еще до приезда хозяев, произвели в общем и целом положительное впечатление. Правда, зоркий глаз Пелагеи Егоровны Цепкиной, быстро выделил среди них любителя выпить, Василия Кузьмича Никитина. Вскоре после вышеописанного эпизода Цепкина серьезно поговорила с ним и предложила не иметь дела с Дудкиным и Редькиным во избежание неприятностей. Разговор закончился вполне мирно, без членовредительства.

– Колхоз, – дело добровольное, попробуй не вступи, – пробормотал Никитин, задумчиво оценивая мощную фигуру Цепкиной.

– Вот именно, – с нажимом подтвердила Коробочка.

Так отнеслись полянцы к строительству и строителям.

Как было обещано, Сазоновы приехали в пятницу. Ухоженный красный «Москвич» остановился перед домом, который снимал Кречетов, ровно в четыре часа дня. Из машины вылезли

худощавый мужчина лет пятидесяти пяти и обширная дама примерно того же возраста. Это были Денис Семенович и Дарья Валентиновна Сазоновы.

Денис Семенович Сазонов более двадцати лет работал в обкоме партии. Именно там он познакомился с Павлом Ильичем Кречетовым. Они сразу же подружились, часто ходили друг другу в гости. Сазонов с удовольствием принял приглашение Кречетова провести пару недель на природе. У Сазоновых была своя дача, но Дарья Валентиновна не любила туда ездить. В семье Сазоновых музыку заказывала она.

– Посигналь-ка, Денис, – раздраженно бросила мужу Дарья Валентиновна.

Тот послушно нажал на клаксон.

За дверью послышались шаги и появилась Савицкая. Она любезно поздоровалась с гостями, но на Сазонову взглянула довольно холодно.

– Папа вышел, сейчас будет, – сообщила она. – Давайте возьму ваши вещи.

Сазонов бурно запротестовал и сделал все сам. Когда гости поднялись на крыльцо, из дома, как ошпаренная, выскочила Манюня. Дарья Валентиновна чуть не упала от неожиданности. Увидев Сазоновых, девочка резко притормозила, подозрительно взглянула на них и узнав, просияла.

– А-а, тетя Даша, дядя Диня, – радостно воскликнула она.

– Здравствуй, Машенька, – Сазонов потрепал ребенка по голове.

Дарья Валентиновна, не терпевшая девочку, хмуро взглянула на нее исподлобья.

Именно ее и атаковала Манюня.

– А ты мне что-нибудь вкусненькое привезла, тетя Даша? – наступая на Сазонову, бойко спросила Манюня.

Эта сцена со стороны очень напоминала небезызвестный эпизод, – слон и Моська из басни Крылова.

– А что тебя дед тут плохо кормит? – мрачно спросила Сазонова.

– Всего ей хватает, ишь, баловница, – погрозил внучке пальцем, подошедший Кречетов.

– С приездом Дарья Валентиновна, а я тут за рабочими смотрел, – извинился он, – и пропустил вашу машину.

Сазонова милостиво кивнула, извиняя, и важно прошествовала в дом.

Через полчаса был подан шикарный обед. Дарья Валентиновна закусывала так, что хруст стоял в ушах. Дубков недовольно морщился.

«Тоже мне, эстет», – неприязненно подумала Сазонова, гремя огурцом.

После обеда устроили тихий час. Вечером Кречетов пригласил гостей посмотреть стройку. Рабочие уже уехали и Кречетов с Сазоновым без помех все осмотрели. Сазонову обязательно нужно было все пощупать руками и он чуть не сверетился с недостроенного второго этажа.

– А что тут у вас делать-то можно? – пыхтя и отдуваясь после осмотра дома, поинтересовалась вспотевшая Сазонова.

– Да все что угодно, Дарья Валентиновна, – сказал Павел Ильич, – вот, например, позагорать на речке.

– Я жару плохо переносу.

– Ну, в лес ходите.

– А чего там делать-то?

– Земляника поспевает.

– Я что же, по-вашему, буду ползать на карачках, собирая недозревшую землянику? – недовольно прищурилась Дарья Валентиновна.

– Ну что ты все ворчишь, Даша? – примирительно сказал муж. – Просто погуляешь в лесу. Пойдемте-ка, друзья, домой.

Они отправились, было, восвояси, но по дороге встретили жизнерадостного Сорокина, который уговорил их дойти до речки.

Дома, между тем, Наталья Павловна Савицкая утрюмо мыла посуду. Дубков, только что вошедший, листал свежую газету.

– Посуды-то, вон, сколько набралось, – пожаловалась Савицкая, – и еды готовить придется уйму. Тут и об отдыхе забудешь.

Дубков отложил газету и принялся изучать паутину на потолке.

– Да, дорогие гости, – медленно разделяя слова, проговорил он.

Дом Кречетовых погрузился в сон в одиннадцать часов. Заснули все сразу и не просыпались до самого утра. Спокойствие и благоденствие царило в доме. Да, ничто не предвещало беды в эту солнечную дружелюбную пятницу. Но до поднятия занавеса оставалось уже совсем мало времени. Пролог подходил к концу. Вот-вот зазвучат фанфары, загремят барабаны и начнется первый акт трагедии семьи Кречетовых.

Глава 7

Крик посредине реки

Воскресенье 24 июня выдалось в меру жарким. Импровизированный пляж на берегу Крутой был переполнен. Туда высыпал весь Полянский. Первым прибыл Михаил Антонович Симанин, за ним муж и жена Федоровы. Мария Николаевна решила остаться дома, заняться хозяйством. Впоследствии она не раз жалела об этом, но исправить ошибку, увы, было нельзя.

Супруги Терентьевы появились на пляже примерно часов в одиннадцать, щеголяя молодой журналисткой. Естественно, не обошлось без музыканта Дудкина. Он вытащил какой-то трухлявый барабан и бил в него на безопасном расстоянии от отдыхающих, портя всем нервы.

Амфитрион Ферапонтович Редькин и его жена Зоя Васильевна буквально на днях вернувшись из Ленинграда, были отпущены Цепкиной на речку без сопровождения. Пелагея Егоровна занималась разморозкой холодильника.

– Святое дело, – сказал ей на прощанье зять.

– Смотри у меня, не буянь, – предупредила Цепкина, – узнаю, уши оторву!

– Да я ж никогда... – начал было Редькин.

– Иди, пока можно, – гаркнула Цепкина.

Редькин не заставил себя просить дважды и быстренько смылся.

День был настолько приятным, что даже Таисия Игнатьевна Сапфирова решилась отправиться на речку. Она семенила, подняв над собой зеленый в красную крапинку зонтик от солнца и очень напоминала мухомор, отличаясь от настоящего гриба лишь тем, что тот всегда стоит на одном месте и не двигается.

Супруги Арсеньевы, к которым уже успел приехать внук, тут же нашли для Таисии Игнатьевны удобное местечко, угостили ее киселем. Старушка разомлела и блаженно задремала.

Павел Ильич Кречетов присутствовал с дочерью и внучкой. Савицкая читала книжку, Кречетов продолжал битву с рыбой, на этот раз более успешную. За какие-то полтора часа ему удалось поймать трех окушков и одного пескаря, не считая колюшки, которую он брезгливо выбросил. На этот раз рядом не было ироничного Дубкова и Кречетов чувствовал себя свободнее. Антон Петрович ушел куда-то еще с утра, но обещал подойти к середине дня. Не было также и Сорокина. Александр Иванович сказал, что хочет осмотреть знаменитую борковскую трясину, о которой уже был наслышан.

– Будь осторожнее, – предупредила его Савицкая, тоже наслышанная об опасной трясине.

– За меня не беспокойтесь, – усмехнулся Сорокин и ушел.

Если Кира Борисовна Авдеева и была несколько расстроена его отсутствием, то не подавала и виду. Она решила провести на речке весь день, даже не делая перерыв на обед.

Манюня плескалась вовсю вместе с другими ребятами. Один раз она налила в ведро воды и, радостно визжа, облила маму. Вопреки обыкновению Манюня удостоилась шлепка. После этого маленькая пакостница отправилась на поиски деда. Через некоторое время подгребли Сазоновы. Манюня оставив деда в покое, к превеликой его радости, бросилась к вновь прибывшим.

– Тетя Даша изобрази бомбочку, – прокричала девочка, вцепившись в Сазонову.

– Отойди, Манюня, походи поиграй в песочек, – стараясь быть вежливой, сказала Дарья Валентиновна.

– Ну, изобрази, тетя Даша, изобрази, – приставала Манюня.

– Я тебе сейчас аттракцион ракета покажу.

С этими словами она взяла девочку на руки и повертела с минуту, потом, устав, передала с рук на руки мужу.

К 12 часам на пляже появились неожиданные гости. Все четверо строителей приехали провести воскресенье в Полянске. Трое, исключая Деникина, тут же бултыхнулись в воду и поплыли наперегонки на другой берег. Победил Михайлов.

Пришли и супруги Морозовы, Алла Владимировна и Юрий Степанович. Таисия Игнатьевна, к тому времени уже проснувшись, пристально наблюдала за ними, памятуя о подслушанном разговоре. Она заметила, как оба осматривают пляж, ища кого-то глазами. Видимо, не найдя, оба облегченно вздохнули.

И в этот момент случилось из ряда вон выходящее событие. На реке появилась... Да, да именно та самая Шельма, чье появление всегда предвещало всевозможные несчастья. Полянцы моментально оторвались от своих дел и устали на нее. Шельма, между тем, не говоря ни слова, уселась на большой валун и стала спокойно смотреть на синюю гладь реки. Только два человека в деревне, Таисия Игнатьевна Сапфирова и Амфитрион Ферапонтович Редькин, знали, сто старуху зовут Марфа и на самом деле она не злая ведьма, как полагало большинство. Но все же каким-то даром предвидения она несомненно обладала.

Позднее большинство отдохавших на пляже, так и не смогло точно сказать, когда появилась из-за камышей черная резиновая лодка. Сходились на том, что это было примерно в час дня. И так, где-то около часу из камышей выплыла лодка, которой управлял мужчина среднего роста. Примерно метрах в ста от пляжа лодка попала в сильное течение. Мужчина энергично взялся за весла, и казалось, почти победил течение, как вдруг все услышали громкий пронзительный вопль. Буквально весь пляж обернулся в сторону лодки.

– О, боже мой, конский волос! – раздался крик мужчины, сидевшего в лодке. Все заметили, как мужчина вскочил и бросился на край лодки. В ту же секунду она накренилась и опрокинулась. Течение поволокло лодку и человека за поворот. Еще несколько секунд и они скрылись из виду. На пляже начался переполох. Кто-то кричал, кто-то бежал, Манюня неожиданно расплакалась. Музыкант Дудкин уронил барабан, потом схватил его снова и начал ошалело стучать.

Первым опомнился Михаил Антонович Симагин, он схватил свой велосипед и со всей возможной скоростью помчался в ту сторону, куда течение уволокло человека и лодку. Минут через десять Симагин увидел плывущую по воде перевернутую лодку, но человека на поверхности воды не было. А в это время на пляже Шельма-Марфа спокойно встала с валуна и довольно громко произнесла:

– Этим дело не кончится, – после чего неторопливо удалилась.

Таисия Игнатьевна с испугом смотрела ей вслед.

В спешном порядке была вызвана милиция. Из Утесово приехали трое и на катере стали осматривать реку. Лодку унесло на несколько километров и там выбросило на берег. Другую, более страшную находку, милиция сделала ближе. Тело мужчины среднего возраста было вынесено на небольшой островок посередине реки. Милиция пришла к заключению, что произошел несчастный случай. Было установлено, что погибший ударился головой о камень, захлебнулся и утонул. В тот же день милиция уехала, записав имя погибшего: Антон Петрович Дубков.

Глава 8

Таисия Игнатьевна принимает решение

На душе у Таисии Игнатьевны скребли кошки. Вердикт, – несчастный случай, – ее не удовлетворял. В этой неожиданной гибели были подозрительные моменты. Прежде всего, случайно подслушанная угроза убить неизвестную личность. Таисия Игнатьевна не знала о ком шла речь, но одно ей было известно твердо, – супруги Морозовы были рады гибели Дубкова. Она ясно представила себе сцену обнаружения тела и то, как вели себя присутствовавшие люди. Сапфирова тогда специально встала рядом с Морозовыми и пристально следила за их поведением, оба несомненно испытали облегчение. Она услышала, как Алла Владимировна тихо произнесла:

– Ну вот и все.

Муж так же тихо ответил:

– Слава богу, – и обнял ее за плечи.

После этого они оба быстро удалились.

Беспокоили ее и слова Шельмы, что несчастья только начались. Сапфирова точно знала, что Шельма зря пугать не станет. Конечно, даже совокупность этих подозрительных фактиков еще ни о чем не говорит, но Сапфирова не могла спокойно спать, зная все это. Она должна была прояснить этот случай до конца.

Решившись действовать, Сапфирова колебалась, с чего начать. Можно было бы пойти к родственникам погибшего и изложить им свои подозрения, но она не была уверена, что ей поверят и воспримут сказанное всерьез. Другим возможным вариантом было потребовать объяснений у супругов Морозовых. Это был дерзкий план и Таисия Игнатьевна не знала, куда он может ее завести.

«От греха подальше лучше не говорить им о том, что мне известно», – подумала Сапфирова и остановилась на третьей возможности, а именно поехать в Лугу и поговорить со следователем Поповым.

Кирилл Александрович Попов вел прошлым летом расследование трех убийств, которые были раскрыты с помощью Таисии Игнатьевны. Сапфирова знала, что он прислушается к ее словам, не сочтя их пустой болтовней.

Таисия Игнатьевна принялась за дело, не откладывая его в долгий ящик. В среду утром она уехала в Лугу. Там старушку постигла неудача: следователь Попов был болен. Однако сломить Сапфирову было не так то легко. Она решила обратиться к другому своему знакомому, – лейтенанту Владимиру Андреевичу Сковорцову.

– Конечно же, я вас помню, – воскликнул вставая из-за стола Сковорцов в ответ на вопрос Сапфиновой.

– Разве можно вас забыть? Очень рад видеть вас, Таисия Игнатьевна, садитесь.

– У меня к вам важное дело, – сразу взяла быка за рога Сапфирова.

– Может быть чай или кофе? – предложил Сковорцов.

– Благодарю, не нужно, – деловито отрезала старушка.

Сковорцов, проникшись ее сосредоточенным видом, приготовился слушать.

Таисия Игнатьевна подробно описала происшествие на реке и подозрительное поведение супругов Морозовых.

– И вы слышали ее слова об убийстве? – начал Сковорцов.

– Как вас сейчас слышу, – не дала договорить ему Сапфирова.

– Вообще-то об этом случае на реке нам известно, – почесал затылок Сковорцов, – но в вашем изложении это действительно выглядит подозрительно.

«А он совсем не изменился за этот год, – подумала Сапфинова, разглядывая тридцатитрехлетнего лейтенанта, – все так же весел и несерьезен».

– Что вы намерены предпринять? – строго спросила Сапфинова.

– Доложу по начальству, а потом...

– Кто ваше начальство? – перебила его старушка.

– Полковник Дудынин.

– Мне бы хотелось с ним встретиться, Владимир Андреевич.

– Ну, если он не занят, Таисия Игнатьевна...

– Узнайте, пожалуйста.

Скворцов снял трубку и набрал номер.

– Владислав Анатольевич? Тут со мной Таисия Игнатьевна Сапфинова из Полянска. Она хотела бы с вами поговорить. Да. Та самая Сапфинова. Прямо сейчас? Идем.

Скворцов повесил трубку и довольный повернулся к Сапфиновой.

– Пойдемте, Таисия Игнатьевна, Владислав Анатольевич сейчас нас примет.

Кабинет Дудынина был всего в двух дверях от кабинета Скворцова.

«Не проще ли было сразу пойти, – подумала Сапфинова, – если даже...»

Эту мысль ей не удалось довести до конца, так как Дудынин встречал их уже на пороге.

– Очень рад с вами познакомиться, Таисия Игнатьевна, – тряс старушке руку, рассыпался Дудынин.

– Осторожнее, не сломайте мне руку, – предупредила Сапфинова, поспешно выбираясь из его ладони.

Дудынин пробормотал извинения. В кабинете он тут же угостил Сапфинову кофе и снова начал повторять, как он рад с ней познакомиться.

– Вы так нам помогли с раскрытием тех трех убийств. У меня нет слов, Таисия Игнатьевна! Какая проницательность, храбрость!

Сапфинова снисходительно выслушала пламенную тираду. Пока полковник говорил Таисия Игнатьевна оценивающе осматривала его.

«Искренне рад встрече со мной, – пришла она к выводу, – любезный, мягкий человек, кажется, не очень далекий. Наверное, они все здесь такие приятные. Хотя, стоп, я забыла прокурора. Интересно, мне удастся сегодня с ним познакомиться? Я уже столько наслышана про эту местную знаменитость».

Тут она заметила, что полковник наконец сел и решила немедленно приступить к делу, пока он снова не разразился какой-нибудь речью. Сапфинова рассказала ему все, что знала и сложила руки на коленях, ожидая решения полковника.

Дудынин перебаривал услышанное в течение нескольких минут.

– Все это очень интересно... – медленно проговорил он, снова задумался и снова повторил. – Очень интересно...

Когда полковник задумался в третий раз, Сапфинова не выдержала.

– Я понимаю, что вам интересно, – не очень тактично вмешалась она, – но мне хотелось бы знать, будет ли начато расследование.

– А вам его хочется? – спросил Дудынин.

– У Таисии Игнатьевны очень развито чувство справедливости, Владислав Анатольевич, – высказался Скворцов.

– Благодарю, – кивнула ему Сапфинова и взглянула на Дудынина, ожидая ответа.

Полковник недовольно поморщился, он не любил принимать решения.

– Надо обсудить это с Олегом Константиновичем, – наконец изрек он.

– Это прокурор, – пояснил Скворцов.

– Спасибо я в курсе, – кивнула старушка. – И когда вы, полковник, с ним все обсудите?

– Думаю, что сегодня.

– Не лучше ли прямо сейчас? Мне столько рассказывали про нашего прокурора, что не терпится с ним встретиться.

Скворцов предостерегающе покачал головой, давая понять, что не стоит обольщаться на счет Ермолкина. Однако в эту среду Сапфиновой не суждено было познакомиться с прокурором Олегом Константиновичем Ермолкиным.

– Его нет на месте, – развел руками Дудыкин, – уехал с очередной проверкой.

– Я могу подождать, – поджала губы Сапфинова.

Скворцов взглянул на часы, – было без пятнадцати два.

– Раньше пяти Олег Константинович не вернется, – сказал он, – а вы можете опоздать на автобус.

Этот довод победил непреклонность старушки. Она встала и пошла к дверям. На прощание она просила известить ее о решении властей.

– Всенепременно, – заверил Сапфинову Дудыкин.

Скворцов проводил Таисию Игнатьевну до выхода.

– Я постараюсь убедить Олега Константиновича начать расследование, – сказал он ей и подмигнув добавил. – У меня в этой игре припрятан козырь.

– Все такой же озорник, – улыбнулась Сапфинова, спускаясь со ступенек.

Прокурор Ермолкин появился на работе около пяти. Он ездил в Утесово проверять, чем занимается местная милиция. Ермолкин обожал такие инспекционные поездки, устроить разнос нерадивым сотрудникам было для него все равно, что бальзам на душу. Но на этот раз, видимо, кто-то предупредил утесовских милиционеров о визите прокурора и поэтому все прошло без сучка, без задоринки. Ермолкину не к чему было придрататься и он уехал недовольный, пообещав на прощание навещать образцовое отделение милиции, как можно чаще.

– Приятно видеть такой порядок, товарищи, – сказал прокурор сотрудникам, садясь в машину. – Я буду частенько теперь к вам наведываться, на ваше отделение приятно смотреть.

Ревизор уехал, а вся утесовская милиция еще долго стояла в оцепенении, не зная, то ли радоваться, что все обошлось, то ли прощаться со спокойной жизнью.

Едва лишь Ермолкин появился на пороге своего кабинета, секретарша доложила, что его хотят видеть полковник Дудыкин и лейтенант Скворцов.

Ермолкину очень хотелось сорвать на ком-нибудь злость от неудачной поездки, и он распорядился пригласить их в кабинет немедленно.

– А, Владислав Анатольевич, Владимир Андреевич, – шумно поздоровался он. – Ну, садитесь гости дорогие. Чем могу, – помогу.

Дудыкин пересказал ему то, что сообщила Сапфинова. Прокурор выслушал и насутился.

– Это та самая Сапфинова, которая раскрыла три убийства прошлым летом?

– Да, она, – подтвердил Скворцов. – Таисия Игнатьевна зря не станет просить открыть следствие. Уверяю вас, Олег Константинович.

– Не надо меня уверять, лейтенант, – хмуро ответил Ермолкин. – Бог знает, что за история. Еще эта старуха Шельма тут примешана.

Прокурор затаился, с удовольствием выдохнул клуб табачного дыма в лицо собеседникам и продолжал рассуждения вслух:

– То, что меня заинтересовало, так это конский волос. Что это за штукавина? – спросил он Дудыкина и Скворцова.

Те растерянно переглянулись и ответили, что не знают.

– Надо было спросить у этой вашей Сапфиновой, – огрызнулся прокурор. – Ну, предположим в этом что-то есть, но нужен повод для заведения уголовного дела, да и кому я его поручу? Попов симулянтничает, Макушкин в отпуске.

Тут-то Скворцов и выложил свой козырь.

– Ошибаетесь Олег Константинович, – победно перебил он прокурора. – Еремей Галактионович с сегодняшнего дня вышел на работу.

– Ах вот как!

– Именно, еще он жаловался, что нечем заняться, – наябедничал Скворцов.

– Ах нечем заняться! – взревел прокурор. – Бездельник! Вот пусть он этот волос и ищет. Ермолкин поднялся рывком, распахнул дверь кабинета и оказался лицом к лицу со следователем Макушкиным.

– Я к вам шел, Олег Константинович... – начал было Макушкин, но прокурор перебил его.

– Очень кстати. Ходят слухи, что вы жалуетесь на отсутствие работы. Я решил выручить вас. Проходите, я введу вас в курс дела, которое вы будете расследовать.

Макушкин с поникшей головой вошел в кабинет, как осужденный в камеру смертников. Дверь за ним с грохотом закрылась. В пять минут Ермолкин быстро и по-деловому объяснил следователю суть дела.

– Начинайте работать. Завтра вместе с лейтенантом Скворцовым поедете в Поляnsk. Докладывать мне в обычном порядке. Все ясно?

– А под каким предлогом завести дело? – осмелился спросить следователь.

– Под каким хотите. Додумаетесь. Еще вопросы есть?

Макушкин покачал головой и покинул камеру в добром здравии. Вслед за ним вышел Скворцов.

– Не очень надеюсь я на Еремея Галактионовича, – поделился с прокурором Дудынин – Он, как мне кажется, несколько недалек...

– Дурак дураком, – махнул рукой Ермолкин. – Этот Мокрушкин, за что не возьмется, все развалит. Давно его гнать пора.

– Макушкин, – поправил прокурора Дудынин.

– Какая разница, – отмахнулся Ермолкин.

Дудынин взглянул на прокурора, хотел было что-то сказать, но передумал. Он вышел, оставив тигра одного в его клетке.

Глава 9

В доме Кречетовых

Родственники и друзья погибшего несколько дней находились в шоковом состоянии. Павел Ильич Кречетов пребывал то в состоянии болезненного возбуждения, то полной апатии. Весь понедельник он прошатался по стройке, пугая рабочих своим видом. Нельзя сказать что Кречетов питал при жизни к Дубкову очень теплые чувства, но все, кто хорошо знал Павла Ильича, не были удивлены подобной реакцией. Он ненавидел смерть, боялся ее. Кречетов никогда не смотрел фильмов о войне, потому что начинал плакать.

Наталья Павловна Савицкая была сильно привязана к своему двоюродному брату. Именно ее попросили опознать тело. Она смогла лишь кивнуть и заплакала. Александр Иванович Сорокин, стоявший рядом, обнял ее за плечи.

– Ну, ну, – мягко произнес он, – не надо.

Савицкая повернула к нему заплаканное лицо.

– Боже как страшно! – всхлипнула она. – Поверишь ли, когда я увидела его в этой лодке, я сразу почувствовала, что что-то случится.

– Успокойся, – мягко повторил Сорокин.

– Наверное, мне теперь по ночам будет сниться эта лодка, – продолжала Наталья Павловна. – Знаешь, Саша, на секунду мне показалось, что это ты был в лодке.

– Ну, будет, будет, – успокаивал ее Сорокин. – Видишь, я здесь, живой, со мной все в порядке.

– Слава богу, – вытерла глаза Савицкая, – что там не было тебя или папы.

– Надо забыть, – увещевал ее Александр Иванович.

– Легко сказать, – вздохнула Савицкая, успокаиваясь, – вот ты-то сможешь это сделать?

– Все мы смертны, – уклончиво ответил Сорокин. – Надо забыть.

Супруги Сазоновы, неплохо знавшие Дубкова, тоже были потрясены случившимся, но в меньшей степени.

– Зачем он вообще сел в эту лодку? – спросил Денис Семенович Сазонов, когда все вернулись домой.

– Пропади она пропадом! – взревел Кречетов. – Никогда больше не сяду в нее, окаянную. И какой леший дернул меня взять ее напрокат!

Первоочередным для родственников стал вопрос о похоронах. В понедельник утром Сорокин уехал на своем «Москвиче» в Ленинград сообщить печальное известие родителям Дубкова.

Пока его не было, в доме царил невыносимое напряжение. У Савицкой все валилось из рук. Даже Манюня почувствовав, что случилась какая-то беда, вела себя относительно тихо.

Денис Семенович, посоветовавшись с Дарьей Валентиновной, решил, что лучше всего будет им уехать.

– Нет, нет, пожалуйста, оставайтесь, – со слезой во взоре умолял их Кречетов.

– Ну, если ты так хочешь, мы конечно останемся, – согласился Сазонов. – Ты только не волнуйся, Паша. Все будет в порядке.

– Конечно, мы не покинем вас в такую трудную минуту, – басила Дарья Валентиновна.

Во вторник приехала мать Дубкова Вера Васильевна, женщина 69 лет, с волосами едва тронутыми сединой. Отец Дубкова Петр Иванович был болен и приехать не смог.

Вера Васильевна обладала очень стойким характером и приняла известие о кончине сына с большим мужеством.

– Как это случилось? – спросила она.

Денис Семенович Сазонов поведал ей подробности печального происшествия.

– Что делать с его телом? – глухо спросил Дубкову Кречетов. – Можно похоронить здесь.

– Ни в коем случае, – отрезала мать. – Где Александр?

– Он уехал получать свидетельство о смерти, – сказала Дарья Валентиновна.

– Свидетельство о смерти, – глухо повторила Вера Васильевна.

Внезапно она поднялась и выкрикнула:

– Что это за конский волос? Почему Антоша так его испугался?

– Я точно не знаю, – сказал Сазонов, – мне кажется, это какая-то ядовитая морская гусеница. Впивается в кожу или что-то такое.

– Но как она забралась в лодку.

– Откуда же мне знать? – развел руками Денис Семенович.

Остальные тоже не могли ответить на этот вопрос.

В Полянске жили еще два человека, для которых гибель Дубкова не прошла бесследно и стала поворотным событием. В ночь с воскресенья на понедельник Алла Владимировна и Юрий Степанович Морозовы не ложились спать.

Глава 10

Следствие начинается

Трагическая гибель Антона Петровича Дубкова конечно потрясла Поляnsk, но в памяти жителей еще были свежи воспоминания о прошлогодних убийствах, куда более страшных, чем этот печальный несчастный случай. Несмотря ни на что, разговоров было много.

– Да, не повезло бедняге, – сокрушенно говорил Михаил Антонович Симагин. – Молодой еще, так глупо погиб.

– И зря он этого конского волоса испугался, – еле ворочая заплетающимся языком, пробормотал вдрызг пьяный Амфитрион Ферапонтович Редькин. – Я и сам этот в-волос раз сто видел ну и ни ка-капельки его не бо-боюсь.

– Пошел спать пьяная морда, – прикрикнула на него Пелагея Егоровна Цепкина.

– У-у, – промямлил Редькин, пытаясь влезть на крыльцо.

Недолго думая, теща втащила его за шиворот и дотранспортировала до кровати, где он и был брошен, словно тюк.

– Амфитрион, – ужаснулась его жена, – ты что очумел?

– Вдрызг, – констатировала Цепкина, безо всяких эмоций глядя на бесчувственное тело.

– А где Дудкин? – задала естественный в подобных обстоятельствах вопрос Зоя.

– В канаве, где ж ему еще быть, – ответила мать.

Мария Николаевна Симагина высказала мысль о том, что конский волос в лодку подлюжила Шельма.

– И охота тебе чушь болтать, – прикрикнул на нее муж.

Но было поздно. Ленка не выносившая Шельму и боявшаяся ее уже ухватила за эту идею.

Артамон Георгиевич Синицкий, уловив момент, когда вокруг было побольше народу прочитал лекцию о правилах безопасности на воде.

– Надо быть очень, очень осторожным, проверять лодку и не плавать на течение, особенно тем, кто в этом ни шишенция не смылит, – заключил он под одобрительное бормотание присутствующих.

– И то, батюшка, сказанул, на воде, – прошамкала восьмидесятилетняя Матрена Тимофеевна – Тут на земле-то не удержаться. Вчера на ровном месте дважды растянулась.

– Пить меньше надо, – посоветовал ей протрезвевший к тому времени музыкант Дудкин.

– Типун тебе на язык, анафема ты этакая, холера немилая, – напустилась на него Матрена Тимофеевна. – Давление у меня, черт пьяный, давление!

– Да я сегодня, как стеклышко, – обиделся Дудкин.

Через несколько дней о происшествии перестали бы судачить, если бы не случилось экстраординарное событие. В четверг в середине дня в Поляnsk приехал следователь Макушкин и лейтенант Скворцов.

Еремее Галактионовичу Макушкину, юристу 1 класса, было 46 лет. Он носил очки и густую неухоженную бороду, похожую на охотово гнездо. Макушкин был усердным профессионалом. Он прорабатывал все версии до победного конца. Конец, как правило, был один – тупик. Макушкину вот уже несколько лет перестали поручать дела с убийствами, так как он их никогда не раскрывал. Однако на этот раз у прокурора никого больше не оказалось под рукой, да и об убийстве пока речь не шла.

Штабом расследования, как и прошлым летом, стал дом Петра Афанасьевича Терентьева, родственника лейтенанта Скворцова. Терентьев и его любопытная жена с удовольствием разместили у себя представителей закона.

Кира Борисовна Авдеева пришла в телячий восторг. Она обожала читать детективы и мечтала быть замешанной в какую-нибудь историю с убийством или на худой конец с кражей, естественно, не в качестве жертвы.

– Я так мечтала увидеть настоящее расследование, – сияя, воскликнула молодая журналистка, с восхищением глядя на живого следователя.

– Считайте, что ваша мечта сбылась, – безо всяких эмоций отозвался живой следователь и прошел в комнату.

Лейтенант Скворцов, в отличие от следователя, был гораздо любезнее. Ему сразу понравилась молодая задорная девушка.

– Хотите принять участие в расследовании? – подмигнул он ей, задержавшись на пороге.

– Еще как! – пылко воскликнула она, с надеждой глядя на лейтенанта.

– Ну, что ж будете моим доктором Ватсоном, – милостиво разрешил он.

– Слушаюсь, мистер Холмс, – отдала честь Авдеева. – Какое вы мне дадите поручение?

– Ну, для начала... – важно надул щеки Скворцов.

– Смотрите, не лопните, – неожиданно раздался у него за спиной насмешливый голос. – Здравствуйте, Кира Борисовна.

Конечно же, это была Таисия Игнатьевна Сапфирова. Старушка весь день поджидала приезда властей и была наготове.

– Ну, я поспела вовремя? – поинтересовалась она у Скворцова, деловито вытирая ноги о половик.

– Как нельзя, – кивнул Скворцов. – Заходите.

Через десять минут в доме Терентьевых был устроен военный совет. Председательствовал юрист 1 класса Еремей Галактионович Макушкин. Почесывая то место, которое легло в основу его фамилии, усердный профессионал наконец изрек:

– Давайте, для начала, кого-нибудь допросим.

– Кого? – задала вопрос Авдеева, не отрывавшая глаз от председательствующего.

– Предлагаю начать с супругов Морозовых, которые вели себя подозрительно, – важно проговорил следователь, поправляя очки.

– Вызовем их сюда или нанесем визит сами? – спросил Скворцов.

– Пожалуй, лучше дойдем до них мы, – решил следователь.

Прихватив все нужное для ведения протокола, следователь и лейтенант отправились к Морозовым.

– Я думаю, мне лучше пойти с вами, – заметила Сапфирова.

Следователь проницательно блеснул очками.

– Ну, что ж, резонно. В конце концов, при вас они не отвертятся.

– А мне можно с вами? – вызвалась Кира Борисовна.

– Нет, милая девушка, – тоном не оставляющим никаких надежд ответил Макушкин. – Следствие, – строго он поднял палец, – не представление для широкой публики.

Сказав это, он гордо прошествовал вперед. Сейчас Еремей Галактионович совсем не походил на того Макушкина, который поджав хвост выползал из кабинета прокурора.

Лейтенант Скворцов, слегка задержавшись, наклонился к Авдеевой:

– Не расстраивайтесь, Ватсон, – прошептал он, – с вашей помощью мы обойдем Лестрейда. У меня к вам ответственное поручение, Ватсон.

– Какое? – встрепенулся «Ватсон».

– Разузнайте, что говорят в деревне об этих Морозовых.

– Есть, – радостно отдал честь «Ватсон».

В деревне сразу заметили приезд милиции. Мария Николаевна Симагина поспешила известить об этом Ленку, но, как оказалось, главная местная сплетница уже была в курсе.

Пока следователь, лейтенант и Сапфирова шествовали к дому Морозовых, в котором раньше жила Анна Петровна Дочкина, Ленка, трясаясь от волнения, разглядывала их в полевой бинокль.

– И Таисия с ними, – шепнула она, стоявшей рядом Симагиной.

Та кивнула, явно заинтересованно.

Остальные тоже наблюдали за группой детективов.

Поскольку дом Морозовых был вторым, считая от леса, то сыщикам пришлось пройти почти всю деревню.

Музыкант Дудкин допятился на них до того, что чуть не выпал из окна.

Немного не доходя до цели, они были остановлены бдительной Матреной Тимофеевной.

– А ко мне, что ж не залетели, голубки? – прошамкала старушка, близоруко щурясь. – Из милиции ведь будете?

– Оттуда, – сухо кивнул Макушкин, замедляя шаг.

– А вот этого молодца я припоминаю, – медленно проговорила старушенция, пристально разглядывая Сковорцова.

Макушкин уже переминался с ноги на ногу.

– Шли бы вы, бабуля, – наконец не выдержал он.

– Куда мне иттить-то? – искренне удивилась старуха. – Дом-то мой вона, аль ослеп?

Макушкин не отвечая прошел дальше.

– Вот нехристь, – сердито проговорила ему вслед Матрена Тимофеевна.

Дверь открыла приятная блондинка лет 35–36.

– Вам кого? – удивленно спросила она, недоумевая, зачем явились неожиданные гости.

– Алла Владимировна Морозова? – официальным тоном спросил Макушкин, сверяясь с записью в блокноте.

– Да, это я, но...

– Следователь Еремей Галактионович Макушкин из Луги, лейтенант Владимир Андреевич Сковорцов оттуда же и Таисия Игнатьевна Сапфирова отсюда, – размеренным, как у робота голосом отчеканил Макушкин.

– Я не очень понимаю.

– Можно нам войти? – перебил ее Еремей Галактионович.

– Да-да, конечно, проходите.

– Спасибо, – деревянным тоном поблагодарил следователь и гулко вошел в дом.

– Муж ваш дома? – спросил он, оглядывая комнату.

– Дома, – раздался откуда-то сбоку громкий мужской голос.

При свете дня Юрий Степанович Морозов оказался мужчиной лет сорока атлетического телосложения, с вьющимися волосами и бородой ничем не уступающей бороде следователя, только более ухоженной.

– Это хорошо, что все в сборе, – кивнул Макушкин.

Взглянув на часы, он произнес:

– Шестнадцать часов пятнадцать минут. Начинается допрос свидетелей Морозовых.

– Каких еще свидетелей? – сердито спросил Юрий Степанович.

– Сядьте, – невозмутимо посоветовал ему следователь.

Приготовившись вести протокол, он спросил:

– Вы знали Антона Петрович Дубкова при жизни?

– Я не очень понимаю цель ваших вопросов, – с достоинством произнес Морозов.

– От вас не требуется подобного усилия, – ласково проговорил Макушкин. – Просто отвечайте и помните, что дача ложных показаний преследуется по закону.

– Ну, да, – хмуро выдавил Морозов, – это тот, что погиб.

– А вы, – обратился он к Алле Владимировне.

- Ну, я видела его пару раз, – дала ответ свидетельница.
- До его приезда сюда вы не были знакомы?
- Нет, – хором ответили оба.
- Почему же тогда вы грозились его убить? – внезапно повысил голос Макушкин. Его очки грозно заблестели.
- Что? – взревел Юрий Семенович. – Какая чушь! Я никогда.
- Не вы, ваша жена, – спокойно перебил его следователь.
- Кто это вам наболтал? – не теряя самообладания, спросила Морозова.
- Свидетельница Сапфирова, – и Макушкин указал на скромно сидящую на заднем плане Таисию Игнатьевну.
- Нашли кому верить, – усмехнулась Морозова, пренебрежительным взглядом окидывая старушку. – Ваша свидетельница явно что-то перепутала.
- Я ничего не перепутала, – с достоинством проговорила Таисия Игнатьевна.
- Тогда вы просто выжили из ума! – рявкнул Морозов.
- Я бы вас попросил, – вмешался лейтенант Скворцов.
- Таисия Игнатьевна остановила его, подняв руку.
- Молодой человек, – спокойно произнесла она, – не усугубляйте свое положение ненужным хамством. Пока вы виновны только в даче ложных показаний, однако такое поведение и упорное отрицание истины может повлечь за собой, – тут она повысила голос, – куда более тяжкое обвинение. Например, в убийстве.
- Морозов ошеломленно открыл рот, потом снова закрыл его и бессильно откинулся в кресле.
- Вы не ошиблись, – наконец прервала установившуюся паузу Алла Владимировна Морозова. – Я знала его раньше. Антон Петрович Дубков был моим мужем.

Глава 11

Показания свидетелей

- Алла, ради бога! – закричал пришедший в себя Морозов. – Зачем ты это говоришь?
- Шило в мешке не утаишь, – устало ответила его жена. – Таисия Игнатьевна правильно сказала, своим поведением мы навлекаем подозрения.
- Рассказывайте все по порядку, – предложил Макушкин.
- Алла Владимировна села поудобнее и начала свой рассказ.
- Мы познакомились на юге, потом встречались несколько месяцев в Ленинграде и, наконец, поженились. Было это двенадцать лет назад. У нас родился сын Андрей. Наша совместная жизнь испортилась лет через шесть. Мы стали ругаться, короче, не ужились. Но несмотря на это, наш брак продолжал существовать. Закончился он год назад. Я больше не могла выносить жизнь с Антоном, и подала на развод. Он согласился, но потребовал, чтобы я оставила Андрея с ним. Я, естественно, отказалась. Он пришел в ярость и даже попытался меня задушить. Мне пришлось срочно спрятать сына. Через несколько месяцев я снова вышла замуж, но он продолжал преследовать меня. Даже слал письма с угрозами.
- Они у вас сохранились? – прервал ее Макушкин.
- Да.
- Можете их предъявить?
- Нет, они в городе.
- Жаль, продолжайте, пожалуйста.
- Юрий пытался с ним говорить, предлагал денег, грозил набить морду. Но все напрасно. Антон не поддавался. Он даже сюда приехал специально, чтобы напомнить о себе. Я думаю, что это по его инициативе дедуля строит здесь дом.
- Он угрожал вам здесь? – спросил Макушкин.
- Да, он грозил похитить Андрея и говорил, что нам от него все равно не скрыться.
- И вам надоело это терпеть и тогда вы решили избавиться от него, не так ли?
- Нет, нет, – запротестовала Морозова, – я бы никогда...
- А ваш муж?
- Он тоже.
- Однако вы угрожали убить его? – настаивал следователь.
- Как вы не понимаете! Я же была в отчаянии. Чего только не наговоришь в таком состоянии...
- Почему вы не обратились в милицию?
- Мы обращались, – вмешался Морозов, – но у него большие связи, точнее, у его отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.